

УДК 81'44(091)

ББК 81.2Рус-3

Т.Д. КОРКИНА

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУКОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Лингвистическое источниковедение является одной из наименее разработанных отраслей русского языкознания. Привлечение в научный оборот все более широкого круга рукописных памятников поможет найти ответы на многие вопросы, стоящие перед русской исторической лексикологией и лексикографией, и более точно воссоздать картину исторического развития языка. В большей степени это относится к изучению русского языка XVIII века, базой исследования которого являются преимущественно печатные источники, в то время как большое число рукописных памятников остается неизученным.

При изучении вопроса о формировании русского литературного языка нового типа (основной вопрос для истории русского языка XVIII века) пристальное внимание следует уделить рукописным памятникам делового характера, поскольку деловой язык сыграл важную роль в процессе формирования и становления норм русского литературного языка. Особое место в изучении делового языка отводится памятникам региональной письменности, отражающим наряду с общерусскими и территориальные особенности делового языка и содержащим значительный лексический материал, не попадавший в документы центральных канцелярий.

В статье основные проблемы лингвистического источниковедения рассматриваются на материале рукописных памятников Русского Севера начала XVIII века. Кеврольские таможенные книги 1712, 1713 и 1721 годов исследуются с точки зрения местных особенностей делового языка и лексического состава. *Ключевые слова:* русский язык, XVIII век, лингвистическое источниковедение, памятники делового языка, таможенные книги.

VII

ORBIS
LITTERARUM

Памятники деловой письменности XVIII века играют важную роль в изучении не только языка, но и культуры и быта того времени, поскольку позволяют пополнить современное гуманитарное знание лингвистической, исторической, политической, экономической, социокультурной информацией. При начальном исследовании региональных памятников делового письма как лингвистических источников необходим анализ в рамках лингвистического источниковедения. Однако при этом важно учитывать опыт разных наук: истории, культурологии, дипломатики, лингвистики, текстологии и др. Создание делового текста не только связано с традицией местного делопроизводства, но и отражает (в зависимости от жанра текста) особенности быта, характер местных промыслов, торговые связи и др.

Лингвистическое источниковедение как самостоятельное научное направление лингвистики начало формироваться в начале 1960-х годов. Теоретические основы этого направления разрабатывались профессором С.И. Котковым в течение многих лет (1960—1980-е гг.) [1—6] и были обобщены в его книге «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» [7], в которой ученый определил главные категории этого направления науки, его предмет и метод. Основная идея С.И. Коткова состоит в том, что для решения ряда значимых проблем и вопросов, стоящих перед лингвистикой (например, вопроса о том, какой была основа древнерусского языка — русской или церковнославянской), необходимо помимо совершенствования методов исследования введение в научный оборот и квалифицированное освоение новых источников.

Основные понятия лингвистического источниковедения, введенные в научный оборот С.И. Котковым, — *лингвистическая содержательность* и *лингвистическая информационность*. Под *лингвистической содержательностью* понимается языковой материал источника, определяемый содержанием источника и его отношением к тому или иному языку, наречию или говору. *Лингвистическая информационность* в большей степени связана с внешними факторами создания и существования источника: это степень прямой или косвенной отраженности в нем лингвистической содержательности, определяемая условиями образования источника. Несомненна неразрывная связь между лингвистической содержательностью и жанром источника, его формой, характером ее выражения, местом и временем создания, автором, целью создания и проч. Именно анализ лингвистической содержательности и лингвистической информационности и составляет, по С.И. Коткову, предмет лингвистического источниковедения [8, с. 7]. Таким образом, исследование памятника как лингвистического источника должно строиться на изучении зависимости внешних форм выражения языка (графика, орфография, выучка, грамотность писцов и т. п.) и тех лингвистических фактов, которые этими средствами выражены; необходим детальный и всесторонний анализ, включающий учет всех факторов, сопровождавших появление текста.

Под руководством С.И. Коткова Сектор лингвистического источниковедения и издания памятников Института русского языка АН СССР им. В.В. Виноградова с 1963 по 1991 год выпустил серию сборников, посвященных вопросам лингвистического источниковедения [9—18]. На основе разработанных принципов лингвистического издания [19] был опубликован ряд рукописных памятников письменности XI—XVIII веков [8, с. 5]. Исследования по лингвистическому источниковедению продолжаются: Институт, начиная с 2000-х годов, возобновил издание сборника «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» [20—25].

Включение в научный оборот и исследование все более широкого круга рукописных памятников поможет дать ответы на многие вопросы, стоящие перед русской исторической лексикологией и лексикографией, более точно воссоздать картину исторического развития языка. В большей степени это относится к изучению русского языка XVIII века, базой для исследования которого являются преимущественно печатные источники, в то время как большое число рукописных памятников остается неизученным.

При рассмотрении вопроса о формировании русского литературного языка нового типа (основной вопрос для истории русского языка XVIII века) особое внимание следует уделять памятникам делового характера, так как деловой язык сыграл важную роль в процессе формирования и становления норм русского литературного языка: «Поскольку бывшее состояние русской разговорной стихии получало некоторое отражение, прежде всего, в деловой письменности, значение последней для исследования и устного разговорного языка и литературного языка данной эпохи, да и всего национального, является ключевым» [26, с. 6]. Деловая письменность XVI—XVIII веков в большинстве своем скорописная. Поэтому исследование скорописных памятников данного периода является первостепенной задачей в разработке проблем истории русского языка.

В последние десятилетия вводятся в научный оборот и исследуются все новые памятники делового письма XVII—XVIII веков, относящиеся к разным территориям: смоленские (Е.Н. Борисова), северорусские (А.В. Волынская, О. Никитин, Г.В. Судаков и др.), пермские (Е.Н. Полякова), тюменские (О.И. Голованова, О.В. Трофимова), забайкальские (А.П. Майоров), усольские (Л.А. Белова, Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова), памятники Сибири (Л.М. Городилова), южноуральские (Л.А. Глинка, О.В. Боярская, Н.В. Глухих, Е.Н. Сухина, И.А. Шушарина). Данные источники представляют собой тексты разной жанровой принадлежности: это приходно-расходные книги, хозяйственные книги монастырей, документы духовного правления, деловая переписка, документы земских судов, документы таможенного делопроизводства и др.

Одним из интереснейших источников, прежде всего с точки зрения лексического материала, являются таможенные документы XVIII века. Документация внутренних таможен русского государства XVIII века привлекала вни-

мание и историков, и лингвистов. Историками документы внутренней таможни изучались в рамках экономической истории России (Б.Б. Кафенгауз, А.А. Кизеветтер, Е.Н. Кушева и др.), истории торговли (В.Н. Захаров, А.И. Раздорский), системы таможенной службы (В.Г. Балковая).

Впервые внимание лингвистов на таможенные книги XVIII века обратил С.И. Котков [27]. Комплексный лингвоисточниковедческий анализ таможенных документов XVIII века на большом материале источников разных территорий проведен в работе И.А. Малышевой «Материалы таможенного делопроизводства XVIII века как объект лингвистического источниковедения» (1997). Лингвистическому исследованию таможенных документов посвящены работы М.В. Мордкович, Ю.Г. Захаровой, О.В. Бараковой [28—30].

Одним из ценных источников изучения русского языка XVIII века являются документы северных внутренних таможен первой половины столетия. Наряду с материалами крупных таможен (архангельская, сольвычегодская) сохранились документы небольших таможен, которые находились в уездах и волостях (мезенская, каргопольская, кеврольская, пустоозерская, турчасовская, лальская и др.). Интерес лингвистов к документам малых таможен вызван тем, что в таких документах в большей степени проявлялась обусловленность языкового материала обстоятельствами создания документа. В небольших таможнях, как правило, служили местные жители¹; более заметным было следование сложившейся многолетней традиции ведения таможенных документов; в процессе регистрации товара (создание записи в таможенной книге или выписи) непосредственное участие принимали сами торговцы (об этом свидетельствуют нередко встречающиеся случаи прямой диктовки торговцем). Кроме того, через небольшие таможни проходили преимущественно товары местного производства, следствием чего является отражение в документах народно-просторечной и региональной лексики.

Среди сохранившихся таможенных книг Русского Севера есть три таможенные книги города Кеврола (Кевроль) за 1712, 1713 годы (Архив Института истории РАН, Санкт-Петербург) [32; 33] и за 1721 год (Российский государственный архив древних актов, Москва) [34]. В XVIII веке Кеврола была одним из уездных центров Архангельской губернии.

Данные памятники не публиковались и в качестве самостоятельных лингвистических источников историками языка не рассматривались. Кроме того, ценность этих документов состоит в том, что первые две книги отражают особенности приказного языка, поскольку были созданы до введения в 1718 году Петром I коллегий, установивших более жесткие правила ведения таможенной документации. Третья сохранившаяся книга позволяет проследить, насколько новые правила ведения таможенных документов соблюдались на местах.

Лингвистическая информативность кеврольских таможенных книг определяется условиями их создания. Как уже было сказано, особенностью внутренних таможен являлось то, что они создавались в городах, больших селах, слободах, там, где проходили торговые пути, на местных рынках и ярмарках для контроля за движением товара и сбора разного рода пошлин. Кеврольская таможня обслуживала местные торговые пути, о чем свидетельствует, прежде всего, характер регистрируемых товаров: это преимущественно скот, нередко «своей кормли» (бык, корова, баран), мясо, сало, коровье масло, кожи (оленья, говяжья), мех (норка, белка, лисица, заячина, овчина), хлеб (ячмень, солод, рожь в основном «своей домашней пахоты», «свое а не скупное»), соль, рыба (треска, сиг, палтус), орудия обработки земли (сохи). И приобретался товар в основном «про свои домовои обиход». Среди зарегистрировавших свои товары — местные торговцы, их работники, крестьяне.

Тот факт, что в таможенную службу избирались местные жители, способствовал проникновению в формуляр статей таможенных документов, отличающихся четкой структурой и определенным набором формул, вставок, которые практически не встречаются в документах крупных центральных канцелярий. Приведем пример. Формула назначения товара состоит из двух частей: первая представляет собой сочетание предлога *про* с винительным падежом существительного, вторая — сочетание *а не на продажу* (для продажи): *перевяски женские про свои домашней обиходъ а не на продажу* [33, л. 10 об.]²; *ево тот холстъ про свою домашнюю издержку* [33, л. 143 об.]. Но нередко в данной формуле встречаются конкретизирующие вставки, свидетельствующие или о прямой диктовке торговца, или о диалоге между торговцем и таможенником: *а по скаске иво куплен тотъ хлебъ про себя а не на продажу себе на прокормление и поехал с тем хлебомъ в домъ свои на Кулогору* [33, л. 8]; *и погнал он того быка в домъ свои себе на кормъ* [33, л. 111 об.]; *про себя а не на продажу и с темъ она коровенкомъ пошла домои на Волость Пенежеской* [33, л. 137]. Обращает на себя внимание определенная свобода обязательной формулы: *вставка пошла домои, поехал в домъ свои, погнал в дом свои* (при обычном в таможенных книгах *отпущен в дом свои*) [35, с. 245].

Отражение прямой диктовки торговца можно увидеть и в таком фрагменте: *а досталная сол <...> по скаске одного приказщика Анисима Пурнемца везучись дорогою из Двинского уезда и стоячись в анбарах утекла* [33, л. 21]; *а те вышписанные товары у него Дмитрия в Кевроль и в Кеврольском уезде в разных волостях у крестьян и въ 714 м году сало истопя и влив в бочки а кожи высушив а мясо осолив в бочки а хлеб собрав и белку и горностай и заячины повезет к Архангелскому городу и на те товары даны ему выписи* [33, л. 72] и др. Столь подробное описание действий, конкретизирующие вставки, как правило,

¹ Практика приема на таможенную службу жителей того же города, где находилась таможня, существовала еще с середины XVII века. См. подробнее: [31, с. 19].

² Примеры из источников даны в упрощенной орфографии, сохраняются написание букв **ѣ**, выносные буквы показаны отсутствием курсива.

не характерны для жесткой структуры формуляра таможенной статьи.

В кеврольских таможенных книгах встречаются фразы, отражающие факт разговорной речи (региональной лексики и разговорных элементов). Например, *и гдѣ оне тотъ скотъ продадутъ поставитъ ему отъ толъ платежную выпись* [33, л. 20 об]; *опрочь того что по заявкам а не взятое за мелочныхъ высыпано восемь алтын две денги* [33, л. 8 об].

Значительное количество местных наименований заключают записи об измерении товаров. Так, наряду с общерусской метрологической лексикой: *аршин, фунт, пуд, четверть* и др., встречаются региональные торговосчетные наименования: *сметок*³, *турачка* (катушка), *зверь* (единица счета меховых шкурок «один» или «четыре» в зависимости от того, снята шкура с туши или с лап животного [37, с. 184]) и др.

Именно в материалах небольших таможен, в том числе и в кеврольской, частотны слова с уменьшительными суффиксами: *бычек, коровенок и коровенка, на плотишке, в ушаде, карбасок* и многое другое. Как отмечают исследователи, для документов крупных таможен XVIII века это не характерно [31, с. 143], в то время как в документах XVII века отмечается множество подобных образований [38; 39]. Такая уменьшительно-уничижительная лексика встречается и в кеврольской книге 1721 года: *крстьянинъ Василии Самоиловъ Тютюковъ с товарищемъ явили <...> восемь четвертей ржи да три четверти ячменя на карбанки* [34, л. 29], *крстьяне Давидъ Калининъ Рогачевъ с товарищи явили <...> себе на прекормление хлѣба на карбаске* [34, л. 31 об], *с оной рыбы и жицы надлежитъ взять с продажи таможенных пошлинь <...> по десяти денег с рубля* [34, л. 42], *Трофимъ Безсоновъ явил <...> два быченка некормные на кормъ а не на продажу* [34, л. 100 об], *Федотъ Степановъ явилъ <...> своего летнего улову полубоченок белой рыбы щукъ и сороженок* [34, л. 100 об. — л. 101], *а по продаже цена тое рыбенку осми гривень* [34, л. 104] и многое другое. Данная черта свидетельствует о последовательном сохранении сложившейся в таможе традиции.

Приведенные примеры не исчерпывают материала, свидетельствующего о языковых особенностях рассматриваемых источников.

Анализ языкового материала кеврольских таможенных книг начала XVIII века показывает его несомненную связь с местом создания этих документов. Исследование лексического материала таможенных книг невозможно без изучения особенностей той социокультурной сферы, с которой связано их появление: большая или малая таможня, местные или присланные писцы, направление торговых потоков, торговые связи городов, характер и особенности местных промыслов и быта и многое другое.

Таким образом, роль лингвистического источниковедения как науки очень важна, поскольку именно ис-

точниковедческий анализ, цель которого — показать обусловленность языкового материала памятника внешними факторами, должен быть отправной точкой исследования языкового материала любого памятника: «Без источниковедческой разработки само использование текста и трактовка его материала может быть не только необоснованной, но и ошибочной» [31, с. 5].

Список литературы

1. Котков С.И. О публикации памятников русского языка и письменности // Вопросы языкознания. — 1960. — № 1.
2. Он же. О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками // Лингвистическое источниковедение. — М.: АН СССР, 1963.
3. Он же. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка. — М.: Наука, 1964.
4. Он же. О развитии лингвистического источниковедения // Вопросы языкознания. — 1968. — № 2.
5. Он же. Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. — М.: Наука, 1973.
6. Он же. О лингвистическом источниковедении // Вопросы языкознания. — 1977. — № 6.
7. Он же. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М.: Наука, 1980.
8. Иванов В.В. Вопросы исследования истории русского языка и лингвистического источниковедения в трудах С.И. Коткова // История русского языка и лингвистическое источниковедение. — М.: Наука, 1987.
9. Лингвистическое источниковедение. — М.: АН СССР, 1963.
10. Исследования источников по истории русского языка и письменности. — М.: Наука, 1966.
11. Восточнославянские языки. Источники для их изучения. — М.: Наука, 1973.
12. Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. — М.: Наука, 1974.
13. Источники по истории русского языка. — М.: Наука, 1976.
14. Памятники русского языка. Исследования и публикации. — М.: Наука, 1979.
15. История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. — М.: Наука, 1982.
16. История русского языка. Исследования и тексты. — М.: Наука, 1982.
17. История русского языка и лингвистическое источниковедение. — М.: Наука, 1987.
18. Источники по истории русского языка XI—XVII вв. — М.: Наука, 1991.
19. Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности / сост. С.И. Котков, О.А. Князевская. — М.: АН СССР, 1961.
20. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М.: Древлехранилище, 2000.
21. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2001). — М.: Древлехранилище, 2002.
22. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2002—2003). — М.: Древлехранилище, 2003.
23. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004—2005). — М.: Древлехранилище, 2006.
24. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006—2009). — М.: Древлехранилище, 2010.

³ Сметок — набор меховых шкурок на шубу, кафтан и т. п. (по материалам северных документов XVII века) [36].

25. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2010—2011). — М.: Древлехранилище, 2011.
26. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М.: Наука, 1980.
27. Он же. Таможенные книги Камер-коллегии — источники по истории русского языка // Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р.И. Аванесова. — М.: Наука, 1972.
28. Мордкович М.В. Типы лексических замен в Архангельской таможенной книге 1719 г. / автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000.
29. Захарова Ю.Г. Сольвычегодские таможенные книги XVIII века как лингвистический источник / автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Хабаровск, 2002.
30. Баракова О. В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав: На материале таможенных книг Московского государства / Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — 2004.
31. Малышева И.А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. — Хабаровск, 1997.
32. ТК 12 — Кеврольская таможенная книга 1712 г., № 611, 116 л. — Ф. 10, оп. 3 (Архангелогородская губернская канцелярия). Архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
33. ТК 13 — Кеврольская таможенная книга 1713 г., № 719, 215 л. — Ф. 10, оп. 3 (Архангелогородская губернская канцелярия). Архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
34. ТК 21 — Кеврольская таможенная книга 1721 г., № 32764, 514 л. — Ф. 273, оп. 1, ч. 8 (Камер-коллегия). Российский государственный архив древних актов.
35. Коркина Т.Д. Языковые особенности формуляра кеврольских таможенных книг начала XVIII века (на материале кеврольской таможенной книги 1713 г.) // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013.
36. Словарь русского языка XI—XVII вв. — Вып. 25. — СПб.: Наука; Азбуковник, 2000.
37. Малышева И.А. О Словаре торговой лексики XVIII века // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. Материалы Всероссийской Академической школы-семинара. — СПб.: Наука, 2005.
38. Палагина В.В. Томские таможенные книги как источник реконструкции лексики разговорной речи первой половины XVII века // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 7. — Новосибирск, 1978.
39. Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. — М.: Наука, 1982.

УДК 821.352.30: 391
ББК 83.3 (=602.2); 71.0

И.А. КАЖАРОВА

«КОСТЮМНЫЙ ОБЛИК» КАК СПОСОБ КОНКРЕТИЗАЦИИ ИДЕАЛА¹

Рассматривается взаимодействие разнонаправленных ценностей через «костюмный облик» героя поэтического произведения. На материале кабардинской поэзии XX века показано, что наибольшей информативностью детали костюма обладают в произведениях, появившихся в период радикальных преобразований общества, однако лишь в контексте женского одевания наблюдается сопоставление/противопоставление прошлого и современности.

Ключевые слова: идеализация, деталь костюма, «новый человек», система ценностей, нормативы, адыгская культура, художественное сознание, ментальные представления.

Одна из стадий идеализации человека, которая в процессе осмысления поэтического произведения чаще всего оказывается отнесенной на периферию исследовательского интереса, — внешность. Если в прозаическом тексте описание облика, в частности одежды, способствует раскрытию характера героя и духа эпохи, то в тексте поэтическом посредством ритма, звука и об-

раза, создающего эмоциональный сгусток реальности, требуется сжатие описательных приемов. Поэтому из многообразия предметного мира в текст не попадает ничто второстепенное, — попадает лишь то, что значимо на взгляд автора. Да и само понятие «облик», отнесенное к герою поэзии, привычнее наблюдать в сочетании с определениями «духовный», «моральный», «нравственный» и т. п. Костюмный же аспект как элемент вещного мира, далекого от человеческой метафизики, автоматически причисляется к области наиболее заурядных средств создания этого облика. В этом отношении определяющее значение вложено в заглавие культурологического исследования И.А. Манкевич, где одним из ключевых объектов

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» по направлению 5. «Механизмы преемственности в развитии литературы». Проект «Специфика актуализации культурных идеалов в кабардинской поэзии XX века».